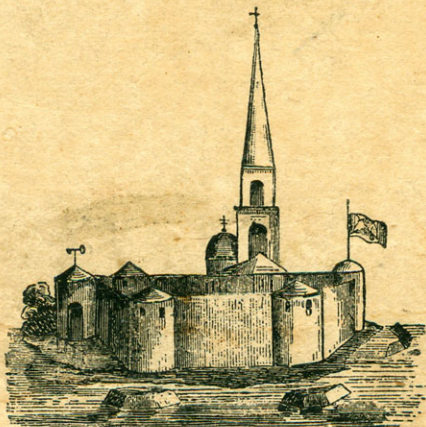

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

КРЕСТЬЯНЕ В ШЛИССЕЛЬ- БУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 381

АКЦ. ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК“

МОСКВА—1928

ШАРЛЬ ЛУИ ФИЛИПП

ЖИЗНЬ
РАССКАЗЫ

БИБЛИОТЕКА „ГОРЬКОГО“
№ 254
«ИЗД. МХЛ. ОМО „ГОРЬКОГО“»
МОСКВА — 1917

Ч. ДИККЕНС

**НЕОБЫЧАЙНАЯ
ДУЭЛЬ**

***
БИБЛИОТЕКА „ГОРЬКОГО“
№ 190
«ИЗД. МХЛ. ОМО „ГОРЬКОГО“»
МОСКВА — 1917

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

СЕРЕБРЯНАЯ УТКА

***
БИБЛИОТЕКА „ГОРЬКОГО“
№ 277
«ИЗД. МХЛ. ОМО „ГОРЬКОГО“»
МОСКВА — 1917

БОР. ПИЛЬНЯК
РАССКАЗЫ С ВОСТОКА

***
БИБЛИОТЕКА „ГОРЬКОГО“
№ 283
«ИЗД. МХЛ. ОМО „ГОРЬКОГО“»
МОСКВА — 1917

Я. ГЛАН
СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ
ЗАПАДА

БИБЛИОТЕКА „ГОРЬКОГО“
№ 260
«ИЗД. МХЛ. ОМО „ГОРЬКОГО“»
МОСКВА — 1917

ГОМЕР
ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ

***
БИБЛИОТЕКА „ГОРЬКОГО“
№ 274
«ИЗД. МХЛ. ОМО „ГОРЬКОГО“»
МОСКВА — 1917

ТАТЬЯНА ДЫННИК
КРЕПОСТНЫЕ АКТЕРЫ

***
БИБЛИОТЕКА „ГОРЬКОГО“
№ 297
«ИЗД. МХЛ. ОМО „ГОРЬКОГО“»
МОСКВА — 1917

М. СЕРВАНТЕС
ПЛУТОВСКАЯ НОВЕЛЛА

***
БИБЛИОТЕКА „ГОРЬКОГО“
№ 286
«ИЗД. МХЛ. ОМО „ГОРЬКОГО“»
МОСКВА — 1917

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ
ВСТРЕЧИ

В. И. ЛЕНИН
АЛЕКСАНДР БЛОК
КНУТ ГАМСУН
ИЛЬЯС АХМЕТОВ
ЧАРЛИ ЧАПЛИН
С. ЯЗЕНШТЕЙН

Составил Л. В. ЛЕВЧЕНКО

***
БИБЛИОТЕКА „ГОРЬКОГО“
№ 305
«ИЗД. МХЛ. ОМО „ГОРЬКОГО“»
МОСКВА — 1917

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

КРЕСТЬЯНЕ В ШЛИССЕЛЬ- БУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

ИЗ ИСТОРИИ КРЕПОСТИ
в 1852 — 1870 г.г.

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“
Москва—1928

ТИПО - ЛИТОГРАФИЯ,
ОФСЕТ - ПЕЧАТНЯ

Акц. Изд. О-ва

„ОГОНЕК“

МОСКВА, Последний
пер., д. 26.

Главлит № А. 15.641

Тираж 30.000.

I. ОТКАЗ ОТ ПРИСЯГИ.

Осенью 1851 года по набору был взят рекрутом 19-летний крестьянин Иван Шурупов и направлен в московский внутренний гарнизонный батальон. Когда пришло время принимать воинскую присягу, Иван Шурупов с решительностью отказался дать присягу на верность службы и заявил, что он скорее наложит на себя руки, чем присягнет. Начальство забило тревогу. Рекрут Иван Шурупов был затребован пред очи московского военного генерал-губернатора графа Закревского. Шурупов ответил на вопросы о своей личности: он из удельных крестьян села Борисова, Можайского уезда, Московской губернии, деревню оставил девяти лет и жил с тех пор в Москве на разных фабриках. О своих действиях он дал следующие объяснения: «От принятия присяги на верность службы отказывается потому, что не желает служить и, следовательно, сделаться клятвопреступником; службу же государю императору избегает потому, что тот повелевает служить ему одному, а не двум господам; мысль эта внушена ему самим богом, и он хранит ее в своем сердце, не сообщая никому из товарищей».

Власти и князя мирские не смутили девятнадцатилетнего Шурупова: он с необычайной твердостью стоял на своем, и никакие «самые тщательные внушения и убеждения» не могли заставить его изменить своей вере и принять присягу.

Случай был выдающийся, несомненно соблазнительный для окружающих и требовавший величайшей осторожности. Граф Закревский распорядился запрятать Шурупова под особый секретный арест и донес тотчас о случае военному министру и шефу жандармов графу А. Ф. Орлову, предложив и свое заключение по делу Шурупова: «По фанатическому упорству Шурупова, находя не только совершенно бесполезным, но даже вредным оглашать настоящий случай формальным следствием, я принял секретные меры к обнаружению единомышленников и соавратителей Шурупова и полагал бы, во избежание соблазна и распространения в Москве вредного лжеучения молоканской секты, заключить Шурупова в Суздальский Спасо-Ефимиев монастырь». Царь согласился с мнением графа Закревского с той отменой, что Шурупов был отправлен в кандалах не в Суздальский монастырь, а в Соловецкий.

Режим монастырской тюрьмы довольно быстро подавил юношеский фанатизм Шурупова, и уже через год он обратился к наместнику иеромонаху Мельхиседеку с ходатайством, несомненно продиктованным и, по всей вероятности, и написанным самим иеромонахом: «Я, нижеподписавшийся, рассматривая себя, обличаем моею совестью, душевно сожалею о моем заблуждении, на столь долгое время оторвавшем меня от законной службы

моему природному благочестивейшему государю е. и. в. Николаю Павловичу и подвергшем меня вечной гибели, как противника воле бога нашего господя Иисуса Христа и его святой церкви». В заключение Шурупов просил исходатайствовать ему помилование. Заблудшая овца была обретаена. Внешние обстоятельства помогли Шурупову: в 1854 году он с другими арестантами принял участие в защите Соловецкого монастыря от нападения английского флота. Он был выпущен из тюрьмы и назначен рядовым Соловецкой конвойной команды.

С этого момента история молчит о конвойном рядовом, и Шурупов исчезает в неизвестности.

II. СОВРАТИТЕЛЬ.

Царь Николай решил судьбу крестьянина Шурупова, но в то же время приказал во что бы то ни стало отыскать совратителей и донести. Было произведено следствие, прямых совратителей не могли сыскать, но так как царь требовал их розыска, следователи притянули к делу Шурупова, по подозрению, его родственника, крестьянина, 26 лет, Дмитрия Николаева. Николаев не сознался в совращении Шурупова, но при допросах открыто исповедовал свое верование и в глазах предреждающей власти оказался преступником гораздо более серьезным, чем девятнадцатилетний Шурупов. «При следствии обнаружено, что он имел с ним дружбу, сам редко ходил в церковь, и, как показал отец его, Николаева, уже три года не был на исповеди и у святого причастия. При допросе же, в присутствии следователя,

Николаев, не скрывая собственной принадлежности к расколу, с особенным усилием и упорством подтверждал свои заблуждения, и, между прочим, осмелился выразиться следующим образом: «Темной власти служить не хочу, ибо так сказано в апостоле, а что именно сказано, того никому не объясню, кроме митрополита; верую только в отца, сына и святого духа, а государя императора не почитаю, служить ему ни за что не стану, почитаю его за антихриста».

Препровождая в III отделение следственное дело о совращении Шурупова, граф Закревский «полагал необходимым крестьянина Николаева, как вредного сектатора и распространителя противозаконных мнений, заключить навсегда в крепость, или в монастырь, где есть стража». Граф Орлов представил марта 1852 г. доклад Николаю с изложением дела и заключил его так: «По моему мнению, согласному с мнением графа Закревского, крестьянина Николаева следует заключить вечно в Бобруйск, или в Динабург». Николай Павлович шел увереннее и дальше своих приближенных: по делам неоднократно приходится убеждаться, как тяжесть намечаемого наказания растет по мере того, как растут чины и положения сановников, высказывающих мнение, и как, наконец, значительно усугубляется царским решением. Если граф Орлов полагал остановиться на Бобруйской или Динабургской крепостях, то Николаю оставалось одно усугубление—Шлиссельбургская крепость. Он так и сделал: повелеть соизволил удельного крестьянина Николаева заключить навсегда в Шлиссельбургскую крепость. 29 марта 1852 года III отделение уведомило

о высочайшей воле московского генерал-губернатора графа Закревского и шлиссельбургского коменданта генерала Троцкого и предложило им распорядиться: первому—отправить немедленно в Шлиссельбург Николаева, закованного и с жандармами, а второму—«дабы Николаев, по доставлении его, был помещен в Шлиссельбургской крепости и содержим со всею строгостию, по правилам о важных секретных арестантах».

8 апреля комендант Троцкий рапортовал графу Орлову, что в этот день в первом часу в вверенную ему крепость был доставлен Дмитрий Николаев с двумя жандармами, жандармам выдана квитанция в приемке Николаева и снятых с Николаева кандалов (казенное добро всегда было под отчетом!), а сам он посажен в одном из верхних номеров каземата.

Так судьба привела за крепкие затворы крепости крестьянина Дмитрия Николаева, на 27-м году жизни.

III. ЗЛОВРЕДНЫЙ ОБРАЗ МЫСЛЕЙ.

28 июля того же 1852 года унтер-офицер С.-Петербургского жандармского дивизиона Филипп Рябикин получил следующий приказ управляющего III отделением генерал-лейтенанта Л. В. Дубельта:

«Приказывается тебе с получением сего отправиться в г. Ревель; прибыв туда, обязан ты явиться к коменданту, г. генералу от инфантерии Паткулю и представить его высокопревосходительству вручаемый тебе пакет за № 942; по принятии, от кого приказано будет, арестанта Якова Загуляева, ты должен тотчас

отправиться с сим арестантом в г. Шлиссельбург. Во время пути обязан ты наблюдать наистрожайшим образом за упомянутым арестантом, не позволяя ему ни останавливаться, ни отлучаться от тебя и не иметь ни с кем ни малейших разговоров. По прибытии в Шлиссельбург, должен ты представить арестанта, вместе с врученным тебе пакетом за № 943, г. коменданту крепости, генерал-майору Троцкому, и, получив от кого следует в принятии Загуляева квитанцию, немедленно возвратиться в С.-Петербург, и тогда же приказ сей и квитанцию представить в III отделение собственной его величества канцелярии...»

Приказ был выполнен, и в девять часов вечера 1 августа 1852 года жандармы доставили из Ревельских арестантских рот в Шлиссельбургскую крепость нового арестанта, рядового Якова Загуляева. Его привел сюда тот же тернистый путь страданий за исповедание веры, по которому шел и Дмитрий Николаев.

Яков Несторович Загуляев—крепостной крестьянин помещицы Яковлевичевой, села Богородского, Скопинского уезда, Рязанской губернии. В 1835 году—22 лет—он был взят в рекруты и обращен на службу в тамбовский гарнизонный батальон. В 1838 году он подвергся тяжкому наказанию шпицрутенами через 500 человек один раз. Зная последующую судьбу Загуляева и высокое одушевление, на которое он был способен, мы с недоверием относимся к официальному указанию на то, что такой каре Загуляев подвергся за кражу. В 1842 году он был переведен в саратовский гарнизонный батальон, в 1847 году он бежал со службы и два года находился в бегах.

Потом был пойман и снова зачислен в июле 1849 года в тот же батальон.

К этому времени, повидимому, определились его религиозные верования — он стал сектантом, духобором, по официальному засвидетельствованию. Нужно отметить, что Тамбов и Саратов, где он служил в войсках, являлись в то время видными центрами духоборческой и молоканской пропаганды. Сектантство заставило Загуляева сразу же притти в открытое столкновение с властью. Через несколько месяцев он уже находился под судом.

Мы не знаем подробностей процесса, но генерал-аудиториат, рассмотрев дело, нашел, что «он, поступив в духоборческую секту, не обратился за всеми убеждениями к православию и, продолжая отвергать верховную власть, осмелился делать дерзкие отзывы о православной церкви и священной особе государя императора». На основании свода военных постановлений, части V, книги I, статьи 156, генерал-аудиториат постановил: «отослать, без телесного наказания, в арестантские роты инженерного ведомства, в разряд всегдашних арестантов, с тем, чтобы после работы отделять его особо в карцере и священническим увещеванием стараться привести его к раскаянию». Это заключение 8 июня 1850 года утверждено Николаем, и Загуляев был отослан в арестантские роты инженерного ведомства в крепость Бендеры, а в марте 1852 года был переведен в арестантские роты Ревельской крепости. Заключение в ротах не исправило Загуляева, и он без боязни обличал начальство, светское и духовное, громко исповедовал свои верования. Благодочинный ревельского собора протоиерей Алексей Смирнов,

которому предписано было склонять Загуляева к раскаянию и оставлению своей «богопротивной» секты, не имел никакого успеха и донес официально ревельскому второму коменданту генерал-майору и кавалеру Тунцельману о том, что «Загуляев столь закоснел и ожесточился в своем зловерии, что, не слушая никакого убеждения и не трогаясь кроткими увещаниями, смело и дерзко порицает все священное, не исключая и верховной власти. Таковой закоренелый и зловерный образ мыслей и слов Загуляева, гласно и безбожно им выражаемый, заставляет опасаться, чтобы явно или тайно не сообщался другим арестантам». Поведение Загуляева было непозволительно соблазнительным. «Хотя предприняты были строгие меры, чтобы никто из арестантов и конвойных не входил в разговоры с Загуляевым, но он, как замечено, сам навязчиво, без всякого опасения, старается передать зловерные свои мысли не только арестантам, но и конвойным, так что ревельский комендант вынужденным нашелся, наконец, не посылать его на работу, а содержать на хлебе и воде постоянно в карцере». Донесение коменданта о неисправимости Загуляева было доложено Николаю, и царь приказал «заковать арестанта Загуляева в кандалы и в них препроводить, под строгим и благонадежным конвоем, в Шлиссельбургскую крепость для заключения его там, отдельно от прочих арестантов».

«При сем его величество изволил отозваться, что впоследствии, когда образ мыслей Загуляева окажется менее зловерным, можно будет отправить его в Соловецкий монастырь».

Такова была жизненная карьера Якова Загуляева. «Лет ему в этом роковом 1852 году было 39. Лицом

он был бел, вслосом рус, глаза имел серые, нос посредственный, телосложение крепкое, а роста был 2 арш. 6 1/2 верш. Был холост, мастерства и грамоты не знал...» Это описание внешности Загуляева извлечено из его статейного списка.

IV. ПОД НОМЕРАМИ.

Перестали существовать крестьяне Дмитрий Николаев и Яков Загуляев. Появились новые номера в секретном замке Шлиссельбургской крепости, и только раз в месяц, представляя царю списки секретных арестантов, комендант собственноручно вписывал фамилии, скрытые номерами, и графа рапорта «кто именно и род преступления» заполнялась по раз заведенному трафарету, без всякой отмены за все время их пребывания в крепости. В таком роде:

С которого времени. Год, месяц и число.		Кто именно и род преступления.
1852 апреля 8.	По высочайшему повелению, об'явленному в предписании г. генерал-ад'ютанта графа Орлова от 29 марта 1852 года, № 573, прислан при предписании Московского генерал губернатора от 4 апреля 1852 года, № 563.	Дмитрий Николаев удельный крестьянин. За преступление, на всю жизнь.
1852 августа 2.	По высочайшему повелению, об'явленному в предписании дежурного генерала главного штаба его императорского величества от 25 июля 1852 года, № 943, присланный при предписании ревельского коменданта от 30 июля 1852г. № 690.	Яков Загуляев, инженерного ведомства, арестантской роты № 10. Закоренелость в духоборческой секте и дерзкие отзвывы.

Слова, набранные в разбивку, вписаны в заготовленную писарем ведомость рукою коменданта.

V. КРЕПОСТНОЕ НАЧАЛЬСТВО.

В год прибытия крестьян Николаева и Загуляева в место заточения, Шлиссельбургской крепостью правил генерал-майор Иоанникий Осипович Троцкий. Этот «Аника-воин», военный генерал, на самом деле в походах никогда не бывал, а пребывал на местах, не требовавших воинственных наклонностей. Преимущественно он состоял «при...» по особым поручениям, потом—плац-ад'ютантом, затем плац-майором, дальше вторым комендантом Москвы и, наконец, достиг венца желаний: 24 сентября 1849 года был назначен комендантом Шлиссельбургской крепости, на 55 году жизни. С этого момента его судьба тоже определилась... Принимая во внимание трудности, сопряженные с исполнением обязанностей коменданта, в особенности по надзору за арестантами, начальство вознаграждало генерала Троцкого по заслугам орденами, чинами и арендами. В 1855 году он стал уже генерал-лейтенантом, и шеф жандармов отзывался о нем, что он, по его, шефа жандармов, части, исполнял свой долг с большой точностью и, кроме похвал, ничего иного не заслуживал. Тихо и ровно катилась жизнь коменданта, и крепостные стены, о которые по эту сторону бились головами узники, а по ту—злые волны неприятного озера скрывали семейное счастье генерала Троцкого: со своей Амалией Ивановной, дочерью генерала Рота, он прижил пять сыновей и шесть дочерей. Но не суждено ему было ни выйти из крепости, ни дожить до полного генерала. 24 апреля 1861 года прекратилось течение генеральской жизни от острого отека легких.

А крестьяне Дмитрий Николаев и Яков Загуляев продолжали пребывать в камерах секретного дома.

Троцкого заместил (в ноябре 1861 года) генерал-майор Осип Адамович Лепарский, племянник и помощник стража декабристов, коменданта их каторжных тюрем, известного генерала С. Р. Лепарского. При дяде он был плац-майором. Декабристы сохранили о нем хорошие воспоминания, и не только декабристы: один из шлиссельбургских узников, отсидевший семилетнее заключение в крепости, Бронислав Шварц, не зло и не резко отозвался о Лепарском. Этот толстый и вечно запыхавшийся генерал не мало облегчал ему тяготы тюремной жизни. Даже давал читать ренановскую «Жизнь Христа» — опасный и запретный плод в то время. Повидимому, он не чувствовал смака в профессии тюремщика: в таком случае, понятно, почему он не пожелал скончать свои дни в Шлиссельбургской крепости и вышел в отставку в 1868 году и предпочел управлять собственным имением в Смоленской губернии.

Его сменил генерал-майор (из корпуса жандармов) Гейнрих Рейнгольдovich Гринбладт, высокий, прямой, плечистый немец, медлительный и жестокий формалист. Он был последним комендантом Шлиссельбургской крепости. При нем — 10 октября 1870 года — крепость была упразднена, как место заключения секретных арестантов. С этого момента крепость превратилась в исправительную военную роту (дисциплинарный батальон). В 1882 году произошло возрождение крепости: по приказу Александра III был уничтожен дисциплинарный батальон, и появилась знаменитая народовольческая тюрьма.

Комендант имел верховный надзор за заключенными. Он изредка посещал камеры. Кроме него, вхож в секретный замок был и его ближайший помощник, плац-майор. Это место в период заключения Николаева и Загуляева занимали последовательно подполковник Видишев, полковник Нейман (умерший в феврале 1865 года) и майор Смирнов. Ближайшее отношение к заключенным имел, конечно, смотритель капитан Чусев. Шварц сохранил добрую память об этом капитане, выслужившемся при арестантах крепости из рядовых конвойной команды. Аккуратный и хладнокровный, он, по словам Шварца, охотно исполнял его просьбы и стремился как-нибудь развлечь заключенного. Чусев умер 16 января 1868 года, и его место занял бывший полицеймейстер подполковник Константинов, последний смотритель секретного замка Шлиссельбургской крепости, представлявший в своей личности, по отзыву Шварца, «удачное сочетание шпионства, злобы, темноты и полицеймейстерской жадности». У Шварца в памяти осталась его фигура: «Огромная голова желто-серого цвета, с маленькими, налитыми кровью, злобными глазками и картофелиной вместо носа, покоилась на жирном туловище». Он всегда был шумно весел и хохотал полицейским смехом, сопровождавшим переходы от фамильярности к грубости.

Только комендант, плац-майор, смотритель и дежурный солдат-служитель имели право входа в камеры секретного замка, и даже офицерам гарнизона, окарауливавшего крепость, был запрещен вход в секретный замок. Доктор входил в тюрьму по специальному приглашению, священник — с соизволения петербургского начальства.

Режим государевых тюрем—Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей—был одинаков. Только по высочайшему повелению заключались и освобождались крепостные сидельцы. Никаких переписок и никаких свиданий! Баней, бывшей в некотором расстоянии от секретного дома, III отделение разрешало пользоваться с превеликими предосторожностями, но не всем. Заключение было построено на принципе полной изоляции. За семь лет заключения Шварц имел только один случай видеть другого заключенного. Были и такие сидельцы, о самом пребывании которых в секретном замке никому не было известно, кроме тюремного начальства. Были узники, забытые, в точном смысле слова. Сидит годы и десятки лет иной узник, а затем по встретившемуся случаю III отделение вдруг и запрашивает коменданта, за что сидит и кем прислан. Начинаются розыски; комендант сообщает: преступление неизвестно, а прислан при предписании такого-то (военного министра, с.-пб. генерал-губернатора), за таким-то номером. Адресуются к такому-то, а такой-то не без труда разыскивает основания предписания, да иногда он и не в состоянии ответить, за какое же преступление, а иногда и самого преступления не находится. Но раз арестант сидит долго и неизвестно за что, значит, вина его велика, и освобождению он не подлежит. А если он повредился в рассудке, тем паче, ибо где же за сумасшедшим лучше усмотрят, чем в крепости!

Как правило, ни читать, ни писать не разрешалось; прогулки давались далеко не всем. Для некоторых заключение оказывалось в буквальном смысле слова безвыходным. Что же делать? Занятия физическим

трудом не разрешались, или, точнее, не были рассмотрены.

Заключенные в 50—60-х годах содержались в секретном доме. Секретный дом помещался в секретном замке, а вокруг секретного замка раскидывалась собственно крепость с помещениями для команды, домом коменданта, церковью и т. д. Вот как описывает Шварц секретный замок: «Двор представлял собою четырехугольник, шириною шагов в 100, с гранитными стенами и такими же башнями. В каждую башню вели железные двери; узкие окна освещали, по всей вероятности, казематы, а, может быть, и лестницу. Потрескавшиеся от северных морозов гранитные камни были шершавы, точно покрытые лишаями, а высокие стены бросали на узкий двор огромную тень. Низкий одноэтажный флигель перегородивал замкнутое пространство надвое и неприятно резал глаза той казенной грязно-желтой краской, которой отличаются русские остроги, казармы и больницы: его окна, с толстыми железными решетками, были довольно велики, но почти все заслонены остроумными «щитами», пропускавшими свет только сверху и не позволявшими несчастному узнику видеть того, что происходило на дворе. Вершина кровли доходила почти до уровня окружающих замок стен, а громадный чердак сквозился маленькими полукруглыми оконцами; там и сям торчали белые трубы, а прилепленные с двух сторон дома деревянные пристройки с будками указывали, что и здесь находится кордегардия.

Все это—и серые гранитные стены, и желтый флигель, и почерневшие кордегардии, и полосатые будки, и де-

ревянный барьер, тянувшийся перед всеми постройками, и какая-то полуразрушенная конура в углу двора, рядом с железной дверью,—было серо, угрюмо, жестоко и мертво».

Желтый флигель—это и был секретный дом, секретная государственная тюрьма для важнейших преступников. «Тюрьма—описывает Шварц—была невелика; она состояла всего из десяти одиночек, или номеров, с коридором посредине. Три номера, 8, 9 и 10-й, выходили окнами на двор; камеры отделялись друг от друга пустыми промежутками, выходившими на коридор; на них открывались двери одиночек. Другие семь номеров были обращены окнами в противоположную юго-западную сторону, т.е. в палисадник, находившийся между тюрьмой и стеной замка; туда могли входить только солдаты. В семи камерах было по одному окну, в 1, 4 и 7-м номере—по два. Один ряд камер имел то преимущество, что там можно было разговаривать с соседом, конечно, если он имелся; другая же сторона отличалась тем, что иногда сюда заглядывало солнце, а из окон открывался вид на двор, если только никто на нем не гулял, потому что во время прогулки окна заслоняли щитами. В конце коридора, ближе к воротам, были сени с кухней, и кордегардия для крепостных служителей; на другом его конце находилась такая же казарма для солдат».

Но в секретном замке, кроме секретного дома, были и еще места для заключения—так называемые, секретные казематы. Топография их не очень ясна.

Кроме того, была еще одна камера или покой—специально для буйных сумасшедших, помещавшийся, очевидно, в одной из башен секретного дома.

VI. УЗНИКИ.

История Шлиссельбургской крепости, как места заключения, до народовольческого периода не написана и не обследована, и самым темным периодом является царствование Николая I. Поэтому я считаю не лишним сообщить точные данные о заключенных, установленные мною на основании изучения как их личных дел, сохранившихся в архиве III отделения, так и крепостных, т. е. дел управления Шлиссельбургской крепости. Вот перечень «незримых» товарищей крестьян Николаева и Загуляева.

К 1852 году в камерах секретного замка и секретных казематах находилось тринадцать человек. Перечисляю в порядке их появления в государственной тюрьме.

Самым старейшим и самым таинственным узником Шлиссельбургской крепости был Валериан Лукасинский, доставленный сюда 21 декабря 1830 года, вместе с приказом: преступника Лукасинского принять и содержать в Шлиссельбургской крепости, как государственного преступника, самым тайным образом так, чтобы, кроме коменданта крепости, никто не знал даже его имени и откуда прислан. До перевода в Шлиссельбург Лукасинский содержался в различных крепостях и тюрьмах царства Польского, а арестован он был 22 октября 1822 года. В 1852 году исполнилось 30 лет его заключения вообще и 22 года—в Светличной башне секретного замка Шлиссельбургской крепости. Он сидел так долго и под таким секретом, что не только для крепостных властей, но даже и для самого III отделения он стал в буквальном

смысле загадочным узником. И только появившаяся в 1908 году работа польского историка Аскенази, основанная на архивных материалах, раскрыла дело жизни выдающегося польского патриота, но не дала ключа к разгадке совершенно беспримерной кары, постигшей Лукасинского *). В заключение затмился разум Лукасинского, и когда 25 февраля 1862 года — после почти сорокалетнего заключения — он был освобожден из секретного замка, оказалось, что полупомешанного, полуглухого, больного старика нельзя было уже куда-либо высылать и пришлось оставить его на тюремном положении, но в облегченных условиях. Здесь он и умер 27 февраля 1868 года.

Вторым по времени заточения был Сергей Михайлов — жертва религиозной страсти. В графе «род преступления» комендант, вписывая его фамилию, обозначил: «превратное религиозное понятие». Содержался он в секретном замке с 23 октября 1833 года, а доставлен он сюда из Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря. В монастырском списке заключенных рассказана предшествующая история Михайлова **). «По высочайшему его императорского величества повелению, изъясненному в указе владимирской духовной консистории от 29 октября 1826 года, по причине некоторого заблуждения, от чтения книг, с предписанием, чтобы он, Михайлов, содержим

---

*) S. Askenazy Lukasinsky. Lwów. 1908, 2 тома. Извлечение из этой книги в брошюре: Л. Я. Круковская. Шлиссельбургский узник Валериан Лукасинский. Петербург. Государственное Издательство, 1920 г.

**) См. статью А. С. Пругавина „Суздальские узники“, Былое, 1907, № 8, стр. 72—73.

был в оном Спасо-Евфимиеве монастыре под строгим присмотром, и чтобы настоятель монастыря, пристойными наставлениями и увещаниями, старался привести его, Михайлова, к раскаянию в заблуждении, коим он заражен и обращению на путь истинный; об успехах же в обращении его, равно и образе жизни, рапортовать святейшему синоду через три месяца; прислан при отношении из владимирской городской полиции, от 16-го февраля 1827 года; 1829 года, мая на 10 число в ночь, означенный Михайлов из сего монастыря бежал, который возвращен через посредство внутренней стражи, при отношении суздальской городской полиции, сентября 25 числа обратно из побега, с предписанием из владимирской духовной консистории от 28 мая 1831 года, для содержания в сем монастыре в числе арестантов, под строжайшим наблюдением».

Итак, со времени доставления в Суздальский монастырь, за коротким перерывом побега, Михайлов в 1852 году отбыл четверть века в заключении, а всего он пробыл в Шлиссельбургской крепости до 20 апреля 1862 года, т.-е. 28 лет и 6 месяцев, а в общем в заключении—35 лет с лишним.

Третий союзник—находившийся в крепости с 3 августа 1834 года по 26 июля 1856 года—Роман Медокс—преступник совсем иной категории. Авантюрист и прохвост первой руки, он был арестован впервые 6 февраля 1813 года. Назвавшись ад'ютантом министра полиции Балашова, Соковниным, Медокс производил поборы якобы в пользу собранного им ополчения, был изобличен и, по приказу Александра I, был отправлен сначала

в Петропавловскую крепость, а затем и в Шлиссельбургскую, откуда в марте 1827 года был выслан под надзор полиции в Вятку. Опять вернулся к мошеннической деятельности и пытался с величайшей наглостью спровоцировать новый политический заговор среди ссыльных декабристов, и за эту насмешку над III отделением и самим Николаем был вновь возвращен в Шлиссельбургскую крепость. «По делам вору и мука» — только это и можно сказать о Медоксе. Но этот «втируша» здесь опять завоевал симпатии начальства и вел весьма льготный образ жизни *).

С 15 мая 1840 года по 20 апреля 1862 года содержался в секретном замке магистр прав Антоний Якуевич. Не политика и не религия привели его сюда. Он пал жертвой страсти к сутяжничеству и кляузам. Этому несчастного человека надо было отправить в больницу, а никак не в крепость, и лечить. Но такова воля монарха. В графе о причинах, вызвавших заключение, комендант отмечал: «За буйство и предосудительные поступки». И только за это провел Якуевич в крепости 21 год 11 месяцев **).

С 9 февраля 1843 года по 21 декабря 1860 года, т.-е. 17 лет и 10 месяцев, просидели в крепости доставленные из Варшавы контролеры Польского банка Налепинский и Адельт. Они были в полном и буквальном

---

*) О Медоксе книжка С. Я. Штрайха „Провокация среди декабристов. По неизданным материалам“. Москва. „Московский Рабочий“. 1925.

**) До Шлиссельбурга Якуевич находился (с 9 февраля 1832 года) в Вятке под надзором полиции, за „весьма беспокойный нрав“, одновременно с А. И. Герценом. См. список поднадзорных в Полн. собр. соч. А. И. Герцена, ред. М. К. Лемке, том XII, стр. 402—403.

смысле преступниками уголовными: они учинили подлог и выиграли 217.500 рублей при тиражах облигаций займа царства Польского. Николай I приказал заключить их в Шлиссельбургскую крепость на всю жизнь *).

6 ноября 1846 года был прислан в крепость Афанасий Иванович Ромашев за «сочинение возмутительных бумаг, фальшивые и безнравственные действия». История Ромашева—одна из самых трагических и самых тяжелых крепостных историй. Следовало бы заняться его делом, совершенно неизвестным в литературе. Он учился в Харьковском университете вместе с историком Костомаровым, затем был смотрителем Гдовского уездного училища. Мечтая о лучшем будущем России, набрасывал проект республиканской конституции и не нашел ничего лучшего, как сообщить проект графу Коновницину, имениями которого он раньше управлял. Верноподданный граф тотчас донес по начальству. Ромашев был схвачен. Как раз в это время у него разыгрывалась личная история, и III отделение, помимо обвинений политических, пред'явило еще одно—в двсеженстве. Николай порешил дело без всякого шума и отправил Ромашева в Шлиссельбург. Имя его промелькнуло в процессе петрашевцев. Антонелли, приставленный следить за Петрашевским, донес, будто бы Петрашевский рассказывал ему, что Ромашев принадлежал в Харькове к тайному обществу, ставившему себе целью изменить образ правления в славянских странах. Ромашева допрашивали

---

*) См. статью П. Е. Щеголева „Из летописей Шлиссельбургской крепости“. Былое, № 16, 1921, стр. 195—200.

в крепости по поводу извета, но он отрицал донос полностью. В крепости Ромашев стал на грани безумия. Через 17 лет 8 месяцев и 17 дней он был освобожден и отослан на послушание в монастырь, здесь повздорил с духовным начальством и за строптивость был возвращен опять в Шлиссельбургскую крепость 12 ноября 1864 года, а через два года 6 месяцев 8 дней выслан в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1869 году Костомаров осматривал этот монастырь, известный своим собранием древних рукописей. «Здесь к нему подошел послушник, с виду совсем дряхлый старик, и спросил: «Николай Иванович, вы, кажется, не узнаете меня?» Это был Ромашев. Умер он в земской больнице 1 мая 1873 года, приняв перед смертью великий постриг. Итак, почти двадцать лет заключения и безумие! *).

Некончивший курса в Киевском университете Игнатий Вещицкий вел разговор на тему о возможном польском восстании с чиновником Сосновским; чиновник донес; Вещицкого взяли 24 января 1846 года; ни следствие, ни военный суд не открыли никаких следов какой-либо революционной деятельности; наоборот, перед судьями открылось некоторое помрачение рассудка. Вот это-то обстоятельство, в связи с отсутствием улик, и

---

*) В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. I. М. 1922, стр. 182—183 и Воспоминания Н. А. Белозерской о Н. И. Костомарове в „Русской Старине“ 1886, июнь, стр. 630—631. После Ромашева остались записки, переданные брату Н. А. Белозерской; написаны они, по ее словам, так бессвязно, что нельзя сомневаться в известной степени умственного расстройстве писавшего. Неточные сведения о Ромашеве даны в изд. общ-ва политкаторжан „Деятели рев. движ.“, т. I-й.

погубило окончательно Вещицкого. «Дабы от сего отчаянного человека не могли произойти обширные и гибельные последствия», Николай приказал заключить человека, пораженного безумием, в Шлиссельбургскую крепость. Здесь в припадках буйного помешательства Вещицкий агонизировал 9 лет, и 27 марта 1856 года умер,

С 29 июня 1847 года в крепости содержались по раскольничьим делам: инок Дионисий—в миру государственный крестьянин Дмитрий Иванов; он был в служителях у раскольничьего архимандрита Геронтия Леонова, одного из учредителей Белокриницкой иерархии, и австрийский подданный Иоганн Миллер, арестованный вместе с названным архимандритом и состоящий при нем в качестве не то переводчика, не то юрисконсульта. Любопытно, что Николай I не посмотрел на австрийское подданство и без всякого суда послал его в Шлиссельбург, а шеф жандармов и министр внутренних дел в своих мнениях о возможной каре для Иоганна Миллера не шли дальше высылки за границу. И когда австрийское правительство запрашивало о судьбе своего подданного, русское министерство отзывалось полным неведением. И Иванов—рослый, сильный и красивый человек, с характером буйным и строптивым (по характеристике следователя по раскольничьим делам Липранди),—и 26-летний Миллер не выдержали заключения и потеряли рассудок. Они были освобождены в 1857 году, первый 16 августа—под надзор монастырского начальства, второй—26 ноября—за границу. Из-за границы сумасшедший Миллер в полном помешательстве тревожил русских министров требованиями вернуть ему чины и ордена.

По этому же делу был прислан 14 февраля 1849 года Федор Васильевич Жигарев, московский мещанин, уже старик, псаломщик на Рогожском раскольниковом кладбище и видный деятель раскола—поповщинского толка. Просидел он до ноября 1856 года.

Нашел свою могилу в Шлиссельбургской крепости крестьянин Семен Олейничук. Его преступление перед русским царем,—что он мечтал о падении крепостного права и бессонными ночами трудился над рукописью, которая должна была открыть всем и каждому глаза на рабство крестьянское, на помещичий произвол. Так как Олейничук «с его образом мыслей мог быть везде введен, преимущественно для низшего класса людей, с которыми он неминуемо должен быть в сношениях», то шеф жандармов полагал заключить его в Соловецкий монастырь, а царь приказал посадить его в Шлиссельбургскую крепость. Он был доставлен 15 декабря 1849 года и умер 27 июля 1852 года *).

Сравнительно кратковременным гостем в Шлиссельбургской крепости (с 11 июня 1851 года по январь 1853 года) был граф Михаил Потоцкий. Сидел он в совершенно привилегированном положении и даже управлял своими имениями из крепости: для него крепость была скорее отеческим наказанием за дворянское своеволие и капризное нежелание исполнять приказания царского правительства, выразившееся в самовольном выезде с назначенного ему места жительства.

---

*) Об Олейничуке статья П. Е. Щеголева в книге „Исторические этюды“. Спб. 1913.

Вот невидимые крестьянам Николаеву и Загуляеву товарищи по заключению. Политических и религиозных преступников—по тогдашней терминологии—было девять, не считая польского графа, авантюриста из англичан и двух польских мошенников. Политиков пять, религиозников четыре; из девяти человек два крестьянина.

VII. «ОКРУЖЕН БЕСАМИ».

Резкая разграниченность сословий, характеризующая Николаевскую эпоху, не стиралась и в крепостных стенах. И в тюрьме, и в кандалах благородное сословие пользовалось привилегированным положением, с дворянством считались тюремные власти. Заключенные простого сословия были ничем в глазах начальства. От благородных шли по начальству всякие просьбы о льготах, милостях и т. д., простые заключались в камеру, и затем исчезала мало-по-малу самая память о них, об их лицах, об их делах. На пищевое довольствие простым отпускалось по 10 коп. в день в то время, как благородным назначалось по 20, 40, 50 и даже по 1 рублю и 1 руб. 50 коп. Люди грамотные и хоть немного образованные могли смягчать тяжесть заключения по временам чтением немудрящих книг. Некоторым из них разрешалось писать письма к родным и получать от них. И, несмотря на все эти отступления от правил, немногие из этой группы привилегированных заключенных сохраняли свой рассудок неповрежденным, а умственные способности нормальными. Вот авторитетное свидетельство Шварца, проведеншего семь лет в Шлис-

сельбургской крепости. «Начались долгие однообразные дни в полутемной камере, из которой ни днем, ни ночью не было выхода... Праздность в одиночном заключении—это смерть. Бездеятельность телесная ведет постепенно, но неуклонно к телесной смерти; праздность духовная, или, вернее, постоянное перебирание в уме одних и тех же мыслей, запас которых не велик, ведь, даже и у более образованных людей, приводит еще скорее к ужасному концу,—к смерти духовной, к сумасшествию. Нужен труд, труд умственный или физический».

Вообразим положение неграмотных солдат из крестьян, которые посажены в одиночные камеры и предоставлены самим себе. Никакой физической работы, заключение почти безвыходное, прогулки редки и крайне нерегулярны и даже в баню, кажется, водили чуть ли не с высочайшего разрешения. Оставалось только вспоминать и думать. Времени было так много, что можно было много раз вспомнить всю свою жизнь, и все-таки оставался еще досуг для мысли, мысли, для которой не было никаких возбуждений извне, ровным счетом никаких. Мысль, как белка в колесе, вертелась в узком кругу однообразных и скудных переживаний и преимущественно в области переживаний религиозных. Религиозные метафоры (сатана, грех, бесы) в вечном сумраке каземата принимали реальные очертания живых существ; в пронзительном свисте северных ветров, бившихся о стены крепости, настороженное ухо узника улавливало бесовские клики и вопли; мундирные представители власти, те, кто были около, и те, кто были высоко и о высоты престола предводительствовали первыми, были подлинными

слугами сатаны. Жизнь в секретном «покое» Шлиссельбургского замка протекала среди видений расстроенного воображения. Заключенный переживал ее, всякий по-своему, в зависимости от темперамента. Один в терпеливом молчании переносил испытания, ниспосланные свыше; другой продолжал вести борьбу с бесом и его представителями. Но в дали тюремной жизни один конец подстерегал и того и другого: помешательство, или тихое, или буйное, на религиозной почве (*mania religiosa*).

Так случилось и с Николаевым, и с Загуляевым: первый из них тихо помешался и был одержим слабоумием; второй оказался одержим однопредметным религиозным помешательством (*monomania religiosa*) и нервной раздражительностью, доходящей до экстаза. Когда началась болезнь Николаева, когда он утратил рассудок—этого, за тихостью, очевидно, помешательства, никто из тюремщиков не заметил. Загуляев, повидимому, был в некотором расстройстве рассудка уже в момент прибытия в Шлиссельбургскую крепость. Так уже через несколько месяцев заключения здесь комендант сообщал о нем, что он телесно совершенно здоров, а страдает «видением окружающих его и мучающих его бесов».

Арестант сошел с ума, ему одна дорога из тюрьмы—в дом сумасшедших. Но высшее начальство—и шеф жандармов, и сам царь—держалось особой политики в отношении к безумным заключенным: оно боялось их, не доверяло ни отзывам тюремных врачей, ни удостоверениям коменданта крепости и предпочитало, чтобы комендант сам разделялся с неудобствами содержания психических больных в казематах.

И хладнокровному генералу Троцкому, состоявшему комендантом крепости в год прибытия Николаева и Загуляева, становилось иногда невтерпеж от своих сумасшедших узников. Он поднимал вопрос об их переводе из тюрьмы. Так, 7 января 1853 года, он представил шефу жандармов, генерал-ад'ютанту графу Орлову, следующую записочку о тех, безумие которых было очевидно:

1. Якуевич, неимоверная злость.
2. Вещицкий, совершенное отсутствие рассудка.
3. Миллер, также.
4. Михайлов, тоже.
5. Яков Загуляев, окружен бесами.

Граф Орлов представлял ходатайство коменданта царю. Николай I высказал свое мнение верному своему слуге графу Орлову, и граф Орлов отметил на записке результат своего представления: «ничего нельзя сделать, в сумасшедшем доме за ними присмотр таковой не может быть».

VIII. «ВАЖНЕЙШИЕ АРЕСТАНТЫ».

Вернемся к истории жизни секретного замка, к движению подневольного населения после появления в крепостных стенах Николаева и Загуляева и до превращения крепости в дисциплинарный батальон.

В 1853 году убыл граф Потоцкий и прибыл 19 декабря Петров Василий, отставной рядовой, за бродяжничество и разные другие поступки. Подробностей о деле Петрова я не знаю, но судьба его драматична. Он

сидел в крепости два раза: отбыв 9 лет и 3 месяца, он был освобожден 15 марта 1862 года под надзор полиции, из-под надзора он скрылся, через несколько месяцев был схвачен и ввергнут опять в секретный замок; на этот раз он просидел 4 года 8 месяцев и в апреле 1867 года вновь освобожден.

В 1854 году в секретном замке появились новые сидельцы, к которым власти отнеслись с особым, сугубым вниманием. Это—Михаил Бакунин и Геронтий Леонов. Они сидели в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, но начавшаяся в это время война вызвала у русского правительства опасения за судьбу Петропавловской крепости (казалось возможным нападение английского флота), отсюда приказание Николая перевести их в Шлиссельбург.

История Бакунина в настоящее время хорошо известна; в революционные годы была опубликована замечательная покаянная исповедь, совершенно неожиданная, покрывающая позором славного революционера. Теперь можно считать доказанным, что исповедь перед Николаем была рассчитанным и смелым шагом со стороны Бакунина. Он поставил себе задачу какой угодно ценой добыть свободу, ценой каких угодно раскаяний и унижений. Не сразу, но он добился осуществления поставленной им цели. Бакунин совершенно ясно оценил «действительность» рavelина и крепости. В записке, переданной тайно на свидании родным в Алексеевском рavelине, Бакунин писал: «Вы никогда не поймете, что значит чувствовать себя погребенным заживо; говорить себе ежеминутно, как ночью, так и днем: я раб, я уничтожен,

сделан беспомощным в жизни; слышать в своей камере отголоски той великой борьбы, в которой решаются самые важные мировые вопросы—и быть вынужденным оставаться неподвижным и немым... Чувствовать любовь в сердце—да, любовь, несмотря на эту внешнюю окаменелость,—и не быть в состоянии излить ее на что-нибудь или на кого-нибудь. Наконец, чувствовать себя таким полным самоотвержения и даже героизма для того, чтобы служить идее, тысячу раз святой,—и видеть, как все эти стремления разбиваются о четыре голые стены, единственные мои свидетели, единственные мои поверенные! Вот моя жизнь! И все это еще ничего в сравнении с другой, еще более ужасной мыслью. Это—идиотизм, который неизбежно является результатом подобного существования. Заприте самого великого гения в такую изолированную тюрьму, как моя, и через несколько времени вы увидите, что сам Наполеон делается тупоумным, а сам Иисус Христос делается злым. Мне же, который не так велик, как Наполеон, не так бесконечно добр, как Христос, понадобится гораздо менее времени, чтобы совершенно отупеть. Не правда ли, приятная перспектива?» «Исповедью» начал Бакунин свою игру в Алексеевском равелине и завершил ее в Шлиссельбургской крепости.

Бакунина в его заключении (и в равелине, и в секретном доме) незримо сопровождал товарищ по узам Геронтий Левонов. Один из крупнейших деятелей русского раскола поповщинского толка первой половины XIX века, он поработал над созданием т. н. Белокрыницкой раскольничьей иерархии. В виду оскудения священства — в виду все уменьшавшегося количества

правильно поставленных попов, нужных раскольникам-поповцам для выполнения треб, раскольникам было крайне важно освободиться от зависимости от православной церкви. Трудами, главным образом, Геронтия удалось заманить в 1846 году в раскольничий монастырь в Белой Кринице (в Австрии, на границе Галиции и Буковины) греческого митрополита, от которого должна была пойти белокриницкая митрополия и правильно поставленная иерархия. Сам Геронтий был посвящен в диаконы, потом в иеромонахи и произведен в архимандриты Белокриницкой лавры. Он был кандидатом даже в епископы. Геронтий держал связь между раскольниками русскими и заграничными, неоднократно приезжал в Россию для закрепления отношений, для инструктирования русских верующих и сбора пожертвований. В 1847 году Геронтий Легонов вместе с своим послушником Абрамом Ушаковым, под видом торговцев, приехали в Россию. Здесь они были взяты под наблюдение в течение нескольких месяцев и в тот момент, когда они отъезжали в Австрию, под Москвой, на пути, были арестованы. Следствие производил известный специалист по розыску Липранди, при содействии Н. И. Надеждина. Липранди с хвастовством профессионального сыщика рассказал в своих воспоминаниях, как он «обставил» раскольников. Они должны были открыться в своем духовном звании. Абрам Ушаков оказался иноком Белокриницкого монастыря Дионисием; власти дознались, что он в действительности государственный крестьянин Валдайского уезда Новгородской губернии Дмитрий Иванов. Геронтий Легонов стоял на том, что он буковинский уро-

жепец и австрийский подданный. У следователей было подозрение, что он тоже крестьянин Новгородской губернии, но оно ничем не было подтверждено. Больше ничего от Геронтия следователи не добились. На попытку получить от него показания о том, кто поддерживал его, кто давал деньги, Геронтий ответил, что он дал этим лицам клятву: «ни единой бы душе известно о том не было, чем я и заклиал себе: еще бы и смертию претили мне, о том, будьте покойны, никому открыто не будет».

Геронтий был человек недюжинных способностей, высокой нравственной чистоты и разительной силы духа. По докладу начальника III отделения и министра внутренних дел Николай I приказал заточить Геронтия Леонова в Алексеевский равелин, куда он и был доставлен 29 июля 1847 года. Свое заключение в равелине Геронтий переносил с необычайным терпением и удивительным достоинством. Крепостной режим был применен к нему в полной мере без всяких смягчений и отмен. Он был единственным узником в равелине, когда туда был доставлен Бакунин. Надо думать, первое время пребывания в равелине Бакунин находился на том же режиме, как и Геронтий, но после «Исповеди», написанной в первые месяцы заключения, уклад крепостной жизни для Бакунина был весьма смягчен. Он попал в привилегированное положение, и образ его тюремного существования в равелине нельзя и сравнить с теми условиями, в которых жил его единственный товарищ по заключению, архимандрит Леонов. Самой существенной, самой жизненной отменой было разрешение свиданий и переписки. Леонов был в полном смысле слова отрезан от

внешнего мира; даже о месте его заключения не знали его единомышленники. Какие уж там свидания и переписка!

Эта разница в крепостном содержании Бакунина и Геронтия еще резче сказалась в Шлиссельбургской крепости.

Был установлен специальный режим для столь исключительного преступника. Генерал Дубельт 13 марта запросил коменданта Петропавловской крепости, какое содержание получал Бакунин и какие книги и журналы были дозволены ему для чтения, и в ответ получил, что «содержавшемуся в доме Алексеевского равелина Бакунину производилось на пищу 18 коп. сер. в сутки и давались для чтения книги: французские и немецкие романы, математические, физические, геологические и газета «Русский Инвалид». Представляя сообщение коменданта генералу Дубельту, канцелярия снабдила его справкой: «в Шлиссельбурге положено также по 18 коп., но Лукасинскому, Налепинскому, Адельту и Медоксу по особому разрешению его сиятельства производится на содержание их по 30 коп.». 18 марта III отделение сообщило шлиссельбургскому коменданту о том, что он должен отпускать Бакунину по 30 коп. в сутки и может позволить ему читать все то, что он читал в Алексеевском равелине.

22 марта (№ 18) генерал Троцкий отправил генералу Дубельту следующий рапорт: «Содержащийся во вверенной мне крепости преступник Бакунин всепокорнейше просит ваше превосходительство о исходатайствовании дозволения: 1) на свидание с братом его, 2) получение

от него некоторых с'естных припасов с моим первоначальнo освидетельствованием, 3) от него же на получение дозволенных книг, 4) перед обедом пить рюмку водки, 5) прогуливаться и 6) быть водиму в баню, хотя два последние действия по устройству секретного замка и расстоянию от оного бани не соответствуют силе повеления от 11 марта за № 492. Но об удовлетворении его убедительной просьбы имею честь довести о сем до сведения вашего превосходительства. Также покорнейше просит дозволения иметь ему чернила и бумагу, разумеется в тетради прошнурованной с перенумерованными листами за скрепою и печатью коменданта.

При сем имею честь покорнейше просить ваше превосходительство можно ли дозволить прогулку и хождение в баню арестанту Геронтию Леонову».

Дубельт отказал в разрешении на свидание и на хождение в баню, но дал положительный ответ на пункты 2, 3, 4 и 5, т.-е. разрешил ему получать передачу, книги, пить перед обедом рюмку водки, пользоваться прогулкой, а также иметь чернила и бумагу.

По отношению же к Геронтию Леонову Дубельт не допустил просимых для него льгот: прогулки и хождения в баню.

Оставалось еще сделать одно коренное отступление от правил: разрешение переписки. 1 апреля 1854 года (№ 20) комендант препроводил в III отделение письмо Бакунина на имя брата и попутно спрашивал: «убеждаясь его просьбою, так как не последовало разрешения на свидания с ним, на предбудущее же время имею честь покорнейше просить разрешения, можно ли ему

дозволить написать к брату своему». Дубельт разрешил Бакунину продолжать переписку с родными. Но в своих льготах Бакунину III отделение пошло дальше. Оно получало от родных Бакунина и пересылало в крепость не только письма, но еще и различные посылки и книги, и, наконец, деньги.

Духовное общение Бакунина с семьей поддерживалось не только перепиской, но и личными свиданиями. Таков был исключительный режим Бакунина в секретном доме Шлиссельбургской крепости. Но одна мысль владела Бакуниным: мысль о свободе. Здесь он довел до конца процесс приспособления плененной революционной страсти к идее помилования. 14 февраля 1857 года «молящий преступник Михаил Бакунин» написал, наконец, унижительное прошение о помиловании, и в раскрытые перед ним 5 марта 1857 года ворота государственной тюрьмы засияло солнце свободы. Пять лет и десять месяцев прошло со времени заключения его в рavelине.

Геронтий продолжал сидеть без всяких привилегий— без всяких сношений с волей, на 30 коп. суточных, за многократным чтением одних и тех же книг церковной печати. А ему легче было добиться освобождения: стоило только заявить о своем желании воссоединиться с православной верой. Но он бил поклоны в своей камере, совершал службы, ибо он был иеромонах; это только власти считали его за лже-архимандрита. Он крайне редко обращался с просьбами по начальству. Раз он попробовал было попросить о дозволении притти к нему «в номер» священнику с образом божией матери, дабы он мог приложиться и прочесть молебен. Комендант

доложил в III отделение об этой просьбе, а управляющий отделением генерал Л. В. Дубельт сам положил резолюцию «нет». Этот отказ был дан 19 сентября 1854 года, через семь лет и два месяца с небольшим со времени заключения его в равелин. В 1860 г. комендант просил III отделение увеличить сумму, отпускаемую на довольствие Геронтия, с 18 коп. до 30 коп., ибо «он нуждается, по крайней дороговизне припасов, и заслуживает по скромности и стоянию на молитве, при которой имеет негасимую лампаду, на кою покупая масла, иногда питается одним хлебом».

IX. «СТРАДАЛЬЦЫ, ДОСТОЙНЫЕ ОСОБОГО ПОЧИТАНИЯ».

В 1855 году ни убыли, ни прибыли среди узников секретного дома не было.

В 1856 году прибыли не было, но был освобожден Медокс, умер в совершенном отсутствии рассудка Вещицкий, а Жигарев в ноябре был отослан в монастырь, где он в том же месяце и умер. В истории заключения Жигарева отметим одну подробность: этот крепкий в семье старик, хозяин и глава дома, время от времени отправлял через III отделение своей семье письма с наказами домочадцам; III отделение писем этих не отправляло и аккуратно подшивало их к делу, не сообщая об этом Жигареву. Одна иллюзия у него оставалась — думать, что его-то письма получают, а к нему задерживаются.

В 1857 году убыли Бакунин, Дмитрий Иванов (послушник Геронтия) и Миллер, но появился губернский

секретарь Л. И. Каменский. В 1855 году он был арестован за свои разговоры с крестьянами Ветлужского уезда о тяжести налогов и о необходимости сопротивления рекрутским наборам. Во время следствия выяснилось, «расслабление нервами» Каменского, попросту известная психическая неуравновешенность. Но Александр II приказал посадить его в Алексеевский рavelин. Здесь болезнь его прогрессировала, а 26-го июля 1857 года, в виду ремонта рavelина, он был переведен в Шлис-сельбургскую крепость. 16 апреля 1862 года он был отправлен отсюда в больницу всех скорбящих *).

В 1858 году был поднят вопрос о возможном облегчении участи заключенных раскольников—о переводе их из крепости в какой-либо из монастырей. III отделение 10 июня 1858 года дало совершенно парадоксальное заключение по этому поводу: «Что касается до раскольников Левсонова, Николаева и Загуляева, то в отношении к ним должна быть соблюде́на величайшая осторожность, ибо они, при известной изворотливости раскольников, легко могут получить средства к побегу, хотя бы переведены были из крепости в самые строгие монастыри, а в случае побега сделаются тем более опасными проповедниками раскола, что в глазах других изуверов они будут казаться страдальцами и достойными особого почитания. Посему, если от коменданта и получится удостоверение, что помянутые раскольники в некоторой степени изменили свой образ мыслей, то ходатайствовать об облегчении их участи можно будет, по сношении

---

*) О Каменском статья М. К. Лемке „Крестьянские волнения 1855 года“ в „Красной Летописи“ 1923 г., № 7, стр. 165—177.

с министерством внутренних дел и обер-прокурором святейшего синода, в таком только случае, если для заключения их имеются в виду монастыри, в которых они не будут иметь средств ни к побегу, ни к распространению своих заблуждений».

Чтобы не оказались страдальцами, достойными особого почитания, Леонов, Загуляев и Николаев были оставлены в крепости.

Х. ЯКОВ ПРАВДИН.

За годы 1858—1861 новых заключенных не было, а убыли (в 1860 году) Налепинский и Адельт.

В 1862 году секретный замок значительно опустел: убыли Петров (вновь прибыл в этом же году), Лукасинский (убыл из секретного замка, но оставался в крепости), Михайлов, Якуевич.

В 1863 году появились новые сидельцы.

Иностранец Иосиф Мейнеке был прислан 29 октября при предписании управляющего III отделением, «содержать впредь до приказанія». Приказание последовало через полгода. Мейнеке был освобожден 26 мая 1864 года. Мне не удалось доискаться, за что он содержался.

25 июня 1863 года был доставлен Болеслав Шварц. Он просидел до закрытия секретного замка и был освобожден отсюда в сентябре 1870 года для высылки в Сибирь. Он оставил воспоминания и, благодаря им, мы имеем некоторые подробности к истории секретного замка за период 1863—1870 годов. Но память кое в чем изменила Шварцу. Самое дело, приведшее его в крепость,

темно и по архивным документам; а сам он почти не касается его в воспоминаниях, а там, где говорит о нем, вносит преднамеренную неясность. Привлечен он был по связям с польскими повстанцами, и, кроме того, ему было пред'явлено обвинение в убийстве какой-то женщины. Стоило бы заняться изучением его дела. Но его воспоминания приносят нам неожиданные подробности об одном из заключенных в секретном замке крестьян.

Приведу эту страницу.

Шварц относит это свое воспоминание к лету 1864 года: «Однажды я прогуливался перед фасадом тюрьмы, поглядывая на вечно молчащие «щиты». Вдруг из-за железного листа послышался осторожный шопот: — Сс! Сс!

Я остановился. В скважину щита глядел на меня голубой глаз.

— Кто вы?

— Не останавливайтесь, когда будете проходить мимо; идите медленнее,—поговорим.

На часах стоял только один солдат, перед воротами, на другом конце двора. Унтер, который должен был меня сторожить, уж почти никогда этого не делал; следовательно, перекинуться словами было можно. Итак, я рассказал своему невидимому товарищу всю мою Одиссею, так сказать, «по капельке»; таким же образом и сам узнал, кто он и как попал в 8 номер.

Его звали Яков Правдин; он был старовер и чуть ли не епископ, и, во всяком случае, считался важным лицом в этой секте. В заключении находился уже 12 лет, следовательно, был арестован в 1852 году, а по какому

делу,—этого я узнать не мог; он сказал только, что не хотел присягнуть «антихристу».

Двенадцать лет! Значит, можно выдержать—и во мне возродилась надежда. Ведь Правдин оставался непоколебимым, как скала, и, как я вскоре узнал, вечно выступал с протестами. Я ничего не слышал про него раньше, потому что моя камера была на другом конце коридора. Спустя двенадцать лет после этого, я читал о нем, что он не переставал протестовать до самой смерти, но уж в другой тюрьме. Правительство преследует раскольников самым беспощадным образом, и муки, претерпеваемые нашим духовенством, ничто в сравнении с тем, что приходится выносить заклятым врагам царского папства.

Однажды я вышел на прогулку и, по обыкновению, остановился перед закрытым окном Правдина; он не показывался; вызывать я его не стал, не желая лишаться из-за этого прогулки, и пошел дальше. Вдруг из окна, из глубины камеры, послышался громкий голос:

— Антихрист! Антихрист черный! Не белый царь, а черный, черный, великий черный царь! Анафема ему и слугам его и кикиморам его!

Правдин не кричал, а зывал ровным спокойным голосом, как ксендз с амвона. Вышли солдаты, я опять стал гулять, и всякий раз, как приближался к 8-му номеру, слышал слова:

— Все семь грехов присущи ему, антихристу! Грех убийства: он убивает нашу святую православную церковь, а вместе с ним ее убивают и правители его,

и губернаторы его, и генералы его, и кикиморы его! Грех чужеложства: чужеложный он, царь черный, и чужеложна жена его, и весь двор его с княжнами, придворными дамами и фрейлинами его! Анафема, анафема!

Унтер приказал мне возвратиться в камеру; я пошел, а издалека все тише и тише доносились слова:

— Грех воровства: он украл у нас шесть тысяч лет, царь черный, черный. Антихрист!.. Анафема!...»

Этот эпизод может быть отнесен к одному из трех заключенных: Геронтию Легонову («он был старовер и чуть ли не епископ»), Дмитрию Николаеву или Якову Загуляеву. Но мы знаем аттестации о них крепостного начальства, и, не колеблясь, относим сообщение именно к Загуляеву. Он бы строптив, непокорен начальству, и его помешательство было буйным. Легонов и Николаев отмечались, как тихие и кроткие, бессловесные. В помешательстве Загуляева есть своя линия. Он—искатель правды, за правду он страдает, а неправду обличает. Он уже забыл свою фамилию: какой он Загуляев, он—Правдин: он призван говорить правду и принять за нее муки. Загуляев—не одинокая фигура в русском расколе и сектантстве. Вл. Короленко в своем очерке «Яшка» дал художественный образ такого вечного протестанта, с которым он встретился в одной из сибирских тюрем.

В 1864 году был освобожден Мейнеке, был освобожден и вторично заключен Ромашев.

В 1865 году в движении населения секретного дома перемен не было. В жизни же крестьян Загуляева и Николаева произошло улучшение. В течение тринадцати лет им отпускалось на довольствие по гривеннику в день

(на то они и крестьяне); остальные получали не меньше 30 коп. Комендант мотивировал просьбу об увеличении порционных денег ссылкой на всеобщую дороговизну продуктов.

В 1866 году, 8 октября, в секретный замок был доставлен бывший потомственный почетный гражданин Сердобского уезда Саратовской губернии Николай Ишутин, едва ли не самый видный деятель в так называемом каракозовском движении. Он был вдохновителем своего двоюродного брата Д. В. Каракозова на цареубийство и главной пружиной дела. Но в нем не оказалось ни мужества, ни стойкости, ни благородства. Заключение в Алексеевском равелине, смертный приговор наполнили бледным ужасом душу Ишутина. Все его духовное существо было потрясено, и осталось одно стремление купить помилование раскаянием, выдачей, предательством, открытием даже того, чего не было в действительности. Александр II заменил ему смерть каторжными работами; он был уже отправлен, но с дороги возвращен по приказу царя и отправлен в Шлиссельбургскую крепость. Здесь он пребывал в решительном расстройстве рассудка. В феврале 1868 года он был отправлен на каторгу.

XI. «ОСВОБОЖДЕНИЕ» КРЕСТЬЯН.

6 апреля 1867 года управляющий III отделением Мезенцев, по поручению начальника ген.-ад. гр. Шувалова, просил сведения о состоянии здоровья арестантов, кои замечены в умственном расстройстве.

Генерал-майор фон-Гринбладт 11 апреля 1867 года донес гр. Шувалову, что здоровье секретных арестантов,

содержащихся в № 4 Дмитрия Николаева и в № 6 Якова Загуляева, замеченных в умственном расстройстве, находится в прежнем положении и, по свидетельству врача, одержимы: первый—слабоумием, а второй—религиозным умопомешательством... Арестанты эти раскольники. Николаев тих и кроток, а Загуляев характера весьма буйного, который ни в каком обществе терпим быть не может.

Фон-Гринбладт очень хотел избавиться от Загуляева, но и на этот раз вряд ли бы возымели действие свидетельства комендантские и докторские. В апреле секретный замок посетил сам начальник III отделения граф Шувалов. Он лично познакомился с заключенными, а в их числе с крестьянами Николаевым и Загуляевым. Последовало, наконец, разрешение крестьянской участи. На том же самом листе бумаги, на каком в 1861 году были занесены известные нам отзывы коменданта и царя, Шувалов, 15 апреля 1867 года, записал: «По докладу моему его величеству, что я сам удостоверился в ненормальном состоянии умственных способностей Николаева, высочайше повелено перевести его в больницу всех скорбящих на испытание.» И относительно Загуляева: «По докладу моему его величеству, что Загуляев, видимо, одержим душевной болезнью, высочайше повелено перевести его в больницу.»

Сам граф удостоверился в ненормальности (мягкое выражение!) заключенных, но III отделение действует очень осторожно. Оно сообщает почетному опекуну графу Кочубею, заведывавшему больницей всех скорбящих, что необходимо первое время до положительного определения

хода и степени их умопомешательств содержать отдельно в особых камерах, не допуская сношений их ни между собой, ни с другими больными.»

28 апреля 1867 года коменданту было приказано сделать распоряжение: «о передаче сих арестантов, каждого порознь, означив их, не упоминая фамилий, номерами, Николаева № 1, а Загуляева—№ 2, командированным для доставления их сюда жандармам с тем, чтобы каждый из сих арестантов был отправлен с двумя жандармами, и чтобы между отправлением того и другого был промежуток времени не менее 4 часов, и они могли бы прибыть в Петербург не позже 5 часов пополудни.

29 апреля были доставлены в больницу всех скорбящих—№ 1-й—в 2 ч. 40 м., № 2-й—в 5 ч. 10 м.

С этих пор начальство не испытывало больше беспокойства: об номерах 1-м и 2-м администрация не докучала никакими представлениями в III отделение. Их вспомнили через 15 лет. 24 июня 1872 года Александр II «всемилоостивейше повелеть соизволил» находившихся в больнице всех скорбящих арестантов перевести в преобразованную из бывшего исправительного заведения лечебницу св. Николая чудотворца. Вследствие этого распоряжения были переведены и арестанты №№ 1 и 2.

Последний документ из истории жизни Загуляева—с.-петербургское губернское правление отношением от 11 октября 1873 года (отд. 2, стол 4, № 8357) уведомляет начальника шлиссельбургской военно-исправительной роты о том, что переведенный в больницу св. Николая чудотворца из больницы всех скорбящих, куда доставлен был 29 апреля 1867 года шлиссельбургским

комендантом арестант под № 1, называвшийся Яковом Ивановичем Правдиным, по отзыву названной больницы, умер от старческого маразма 4 октября.

Безумный узник утвердился в том, что он Яков Правдин; под этим псевдонимом и умер. Не лишняя интереса черточка. Больничная администрация смешала и номера, и лица: под № 1 был доставлен Николаев, а Загуляев был занумерован № 2. Но Яков Правдин—это Загуляев.

О конце жизни Николаева я не нашел никаких сведений. Надо думать, что он нашел свой конец также в больнице Николая чудотворца.

Так кончили свой жизненный путь, так сгинули русские мужики Дмитрий Николаев и Яков Загуляев.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
I. Отказ от присяги	3
II. Совратитель	5
III. Зловредный образ мыслей	7
IV. Под номерами	11
V. Крепостное начальство	12
VI. Узники	18
VII. „Окружен бесами“	26
VIII. „Важнейшие арестанты“	29
IX. „Страдальцы, достойные особого почитания“	37
X. Яков Правдин	39

ИЗ ОТЗЫВОВ ПЕЧАТИ

О Библиотеке „ОГОНЕК“

Небольшие, прекрасно изданные и доступные по цене широким кругам читателей, книжки Библиотеки „ОГОНЕК“ имеют своей основной целью ознакомление этих широких кругов с текущей художественной литературой. В числе выпущенных ею произведений имеется ряд хороших, ценных вещей.

(„Правда“)

На ряду со многими другими достоинствами, библиотека отличается дешевизной, приятной внешностью, превосходными переводами.

(„На Лит. Посту“)

Надо отдать „ОГОНЬКУ“ справедливость: он выпустил, действительно, не мало интересного. Книжки „ОГОНЬКА“ изданы хорошо, они дешевы, доступны, они дают в общем неплохой материал для чтения.

(„Правда“)

Некоторые произведения Библиотеки „ОГОНЕК“ разбираются в школах 2-й ступени, как пособие для тематических сочинений.

(„Рабочий и Пахарь“, Рибинск)

Включение издательством „ОГОНЕК“ в свою общедоступную Библиотеку книжек историко-литературного характера в сопровождении надлежащего комментария и вступительных статей нужно, конечно, весьма одобрить. Очень бесполезные специалистам-литературоведам, они будут с интересом и пользой прочтены и широкой читательской массой.

(„Красная Новь“)

Библиотека „ОГОНЕК“ является одной из массовых, доступных библиотек. Ее белые, опрятно изданные книжечки пестрят везде и всюду. Каждая из этих книжек представляет известный интерес.

Основная масса книжек составляется из лучших произведений иностранной литературы и современной как пролетарской, так и попутнической. Нашему молодому читателю-комсомольцу, учащемуся, рабочему подростку следует ознакомиться с этими книжками, в них они найдут много интересного материала для своего развития.

(„Молодой Ленинец“)

Библиотека „ОГОНЕК“ является одной из попыток дать серию книжек „большой публике“. Беллетристика, поэзия, критика, политика, библиография—вот откуда круг, охватываемый Библиотекой; если к этому прибавить, что главной чертой всего вносимого в Библиотеку материала является современность, то будет понятно, что Библиотека „ОГОНЕК“ может сыграть большую роль и воспитать не один десяток читателей.

(„Октябрь“)

Ряд книжек Библиотеки „ОГОНЕК“ допущен Научно-Педагогической Секцией ГУС'а в школьные библиотеки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на второе полугодие 1928 г.

Самый распространенный
в СССР
ежедневный иллюстрированный
ЖУРНАЛ

с приложением
Библиотеки „ОГОНЕК“
(п. 2 книжки еженедельно):
подписная плата: полгода — 7 р.,
3 мес. — 3 р. 75 к., 1 мес. — 1 р. 40 к.

Огонек без Библиотеки
полгода — 2 р. 40 к., 3 месяца —
1 р. 20 к., 1 мес. — 40 коп.

Ежемесячный журнал фото-лю-
бительства и фото-репортажа

СОВЕТСКОЕ ФОТО

Подписная плата: полгода — 2 р. 50 к.,
3 месяца — 1 р. 25 к.

Ежемесячный общественный и
популярно-технический журнал,
орган автодорожного движения

Подписная плата: полгода — 1 р. 70 к.,
3 месяца — 85 коп.
С № 1 до конца года — 2 р. 50 к.

Ежемесячный культурно-быто-
вой и домашне-хозяйственный
иллюстрированный

ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

К каждому номеру прилагаются:
1. Вырезная выкройка. 2. Рукодель-
ный контурный лист. 3. Детский
Уголок.

Подписная плата: полгода — 5 р. 50 к.,
3 месяца — 3 р.

Полугодовым подписчикам: бесплатн.
премия — 10 книжек Библиотеки „Ого-
нек“; за доплату в 1 рубль — „Альбом
Рукоделий“ или „Кулинарная Книга“.

ПЕРЕВ ДЫ АДРЕСОВАТЬ: МОСКВА 6, Страстной бульвар 11,
Анционерному Издательскому Обществу „ОГОНЕК“.

Пописка принимается также повсеместно на почте, письменно-
стями, отделениями „Правды“ и „Известий ЦИК СССР“, местными
контрагентами и во всех киосках Контрагентства Печати.

Цена 15 коп.

ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ „ОГОНЕК“

Принимается только вместе с журналом „ОГОНЕК“.

Еженедельный иллюстрированный журнал „ОГОНЕК“, с приложением ДВУХ книжек Библиотеки „ОГОНЕК“ еженедельно к каждому номеру.

1 мес.—1 р. 40 к., 3 мес.—3 р. 75 к.

6 мес.—7 р., 1 год—13 р. 50 к.

А Д Р Е С:

Москва 6, Страстной бульвар, д. 11, телефон 5-51-69.

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“.